

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296

EDN: WUUQWG

Научная статья / Research article

Влияние прямых южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке России на улучшение двусторонней экспортно-импортной деятельности

Хансол Ли¹ , Е.А. Дегтерева^{1,2} , С.Ю. Черников¹ ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация li-kh@rudn.ru

Аннотация. Республика Корея благодаря своей географической близости к российскому Дальнему Востоку является близким и важнейшим экономическим партнером региона наряду с другими странами Восточной Азии. Рост санкционного давления со стороны стран Запада и активизация политики «поворота на Восток» Российской Федерации создали предпосылки для развития сотрудничества с восточными странами, что повышает роль дальневосточных регионов России. Кроме того, санкции стран Запада вернули в повестку дня тему импортозамещения в российской экономике. В этом ключе актуализируется тема взаимосвязи (взаимодополняющей или замещающей) между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и торговлей. Данный вопрос является дискуссионным и давно анализируется в академических кругах. Исследование посвящено выявлению влияния южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России на их двусторонний экспорт и импорт за период со второго квартала 2017 г. по третий квартал 2021 г. Применение метода наименьших квадратов (МНК) и робастного регрессионного анализа позволило доказать, что южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке способствуют росту импорта Дальнего Востока из Южной Кореи, в то время как они не показывают статистической значимости для экспорта в Южную Корею. Для содействия экономическому росту дальневосточных регионов и создания взаимовыгодных эффектов необходимо реформировать методы инвестирования южнокорейских компаний на Дальнем Востоке с целью локализации их производственного процесса.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции и торговля, ПИИ, отношения замещения, взаимодополняющие межгосударственные отношения, Республика Корея, РК

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Хансол Ли — подготовка черновика проекта; Е.А. Дегтерева — руководство исследованием; С.Ю. Черников — подготовка рукописи и ее редактирование.

Для цитирования: Ли Х., Дегтерева Е. А., Черников С. Ю. Влияние прямых южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке России на улучшение двусторонней экспортно-импортной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 280–296. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296>

The Impact of South Korean Direct Investments in the Russian Far East on the Improvement of Their Bilateral Export-Import Activities

Han-Sol Lee¹ , Ekaterina A. Degtereva^{1,2} , Sergey U. Chernikov¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²HSE University, Moscow, Russian Federation

 li-kh@rudn.ru

Abstract. The Republic of Korea (ROK), due to its geographical proximity to the Russian Far East, has been a close and crucial economic partner of the region alongside other East Asian countries. The increasing of Western sanctions' pressure and the intensification of Russia's activation of the "Pivot to the East" will promote the development of cooperation with the Eastern countries, and the role of Eastern Russia is likely to increase, which will increase the role of Russia's Far Eastern regions. In addition, Western sanctions will direct the country's foreign policy towards import substitution. On the other hand, the relationship between trade and foreign direct investments (FDI), whether it is complementary or substitutive, is rather controversial and thus has long been debated by several scholars: each case study demonstrates a different result depending on the focus country, economic zones, study period, and so forth. In this sense, this study examines the impact of South Korean FDI in the Russian Far East on their bilateral exports and imports for the period Q2 2017 — Q3 2021. Ordinary least squares (OLS) and robust least squares regression analyses confirm that South Korean FDI stock in the Russian Far East promotes the Russian Far East's imports from South Korea, while it shows no statistical significance in its exports to South Korea. In order to contribute to the economic growth of the Russian Far East and create win-win effects, the way South Korean companies invest in the Russian Far East should be reformed to localize their production process.

Key words: foreign direct investment and trade, FDI, substitution relationship, complementary relationship, the Republic of Korea, ROK

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. Han-Sol Lee — writing — original draft; E.A. Degtereva — supervision; S.U. Chernikov — writing — review and editing.

For citation: Lee, H.-S., Degtereva, E. A., & Chernikov, S. U. (2024). The impact of South Korean direct investments in the Russian Far East on the improvement of their bilateral export-import activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 280–296. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296>

Введение

Заметный экономический рост «четырёх азиатских тигров»: Гонконга, Республики Корея (РК), Тайваня и Сингапура — на основе экспортно-ориентированных стратегий в 1990-х гг. подтолкнул другие развивающиеся страны и страны с переходной экономикой к открытию своей экономики и изменению внешней политики с импортозамещающей на экспортно-продвигающую.

С момента вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в

2012 г. Москва также активно приступила к встраиванию своей экономики в глобальный рынок. Однако западные санкции, вызванные воссоединением Крыма с Россией в 2014 г. и конфликтом между Россией и Украиной в 2022 г., вынудили повернуть внешнюю политику страны в сторону импортозамещения, хотя экспорт остается важнейшим видом хозяйственной деятельности для экономического роста страны, национальная экономика которой во многом зависит от природных ресурсов.

В частности, для Дальнего Востока России, где объем местного рынка очень мал, роль экспорта очень велика. Так, в 2017–2020 гг. экспортная зависимость (измеряемая отношением экспорта к валовому региональному продукту (ВРП)) Дальневосточного федерального округа (ДФО) превышала аналогичный показатель всех субъектов федерации (табл. 1), хотя в 2021 г. это соотношение было меньше, что следует рассматривать как исключение. По сути, после начала конфликта между Россией и Украиной международные грузопотоки в течение 2022 г. переориентировались на дальневосточные порты: их доля в контейнерообороте выросла с 40 до 70 %, а перевозки в Беларусь через Дальний Восток в сентябре 2022 г. увеличились на 77 % по сравнению с сентябрем 2021 г.¹ В этом смысле стимулирование экспорта и поддержание благоприятного торгового баланса имеет большое значение для экономического роста Дальнего Востока.

Таблица 1
Соотношение экспорта и ВРП в 2017–2021 гг., %*

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	26,18	31,23	28,90	25,88	29,87
Дальний Восток	27,73	32,69	31,26	28,66	28,81

Примечание. * — При пересчете ВРП из рубля в доллар США применяется среднегодовой обменный курс из следующего источника: Динамика официального курса данной валюты // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=r01235 (дата обращения: 10.03.2024).

Источник: Информация для мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года // Федеральная служба государственной статистики. Февраль 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 10.03.2024); ВРП за 1998 год // Федеральная служба государственной статистики. Март 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 10.03.2024).

Южная Корея благодаря своей географической близости к российскому Дальнему

¹ Экономические сдвиги: Дальний Восток представляет угрозу для ВВП // KONKURENT.RU. 29.02.2022. URL: <https://konkurent.ru/article/53891> (дата обращения: 03.11.2022).

Востоку является близким и важнейшим экономическим партнером региона наряду с другими странами Восточной Азии, а именно Китаем и Японией. Кроме того, усиление западных санкций и активизация российской политики «поворота на Восток» может привести к укреплению национальных связей с восточными странами, и роль дальневосточных регионов России, вероятно, возрастет.

Так, глобальная пандемия COVID-19 не смогла существенно затронуть южнокорейские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Россию. В противовес резкому сокращению глобальных потоков ПИИ в период пандемии COVID-19 валовый поток южнокорейских ПИИ в Россию увеличился с 99 млн долл. США в 2019 г. до 125 млн долл. США в 2020 г. и 129 млн долл. США в 2021 г. (это максимальный объем ПИИ с 2016 г.). Наибольший объем ПИИ в 2021 г. показал, что южнокорейские ПИИ в Россию имеют устойчивую тенденцию к росту с 2016 г. Отсюда можно ожидать, что южнокорейские ПИИ в России будут устойчивы и в дальнейшем².

Вместе с тем вопрос взаимосвязи между торговлей и ПИИ и характера этой взаимосвязи (взаимодополняющей или замещающей) уже давно рассматривается многими учеными. Каждое тематическое исследование демонстрирует разные результаты в зависимости от страны, экономической зоны, периода исследования и т. д. (Mundell, 1957; Kojima, 1975; Blonigen, 2001; Liu, Wang & Wei, 2001; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Poon, 2003).

В данном исследовании влияние южнокорейских инвестиций на двусторонний экспорт и импорт между Южной Кореей и 11 субъектами федерации ДФО России изучается на основе квартальных данных за период 2017–2021 гг. с помощью метода наименьших квадратов (МНК) и робастного регрессионного анализа. Структурно работа состоит из нескольких разделов, посвященных описанию ПИИ на Дальнем Востоке России, а также рассмотрению Южной Кореи как страны-

² Statistics of FDI // The Export-Import Bank of Korea. URL: <https://stats.koreaexim.go.kr> (accessed: 26.06.2022).

инвестора; анализу экспорта и импорта на Дальнем Востоке России, характеристик Южной Кореи как страны-партнера; обзору литературы; методологии и результатам эмпирических тестов. В заключение представлены выводы и рекомендации.

Привлечение прямых иностранных инвестиций на российский Дальний Восток и место Южной Кореи как страны-инвестора

Основной объем ПИИ на Дальнем Востоке России (около 88 %) был направлен из офшорных стран, в которых высока доля перевалочных, круговых или фиктивных ПИИ, что затрудняет выяснение реальных стран — источников ПИИ³. Таким образом, несмотря на кажущийся скромным уровень южнокорейских ПИИ на российском Дальнем Востоке, в 2015–2022 гг. Южная Корея входила в число постоянных и определяемых инвесторов (табл. 2).

Южнокорейские ПИИ в России в основном сосредоточены в трех федеральных округах: Центральном, Северо-Западном и Дальневосточном. Дальневосточный федеральный округ — третье направление южнокорейских ПИИ в России (рис. 1).

Южнокорейские ПИИ сосредоточены в неэнергетических секторах, таких как сфера услуг (финансовые, транспортные, логистические, гостиничные), торговля, продажи (электронные устройства, продукты питания и напитки) и сельское хозяйство. Также нельзя не отметить, что наиболее предпочтительным местом размещения является Владивосток в Приморском крае. Это говорит о том, что южнокорейские инвесторы заинтересованы в расширении рынка при выборе места для инвестиций на Дальнем Востоке (Lee, 2020).

³ Ledyeva S., Karhunen P., Whalley J. If Foreign Investment Is Not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia // Centre d'Études Prospectives et d'Informations Internationales. 2013. No. 5. P. 1–65. URL: http://cepii.fr/pdf_pub/wp/2013/wp2013-05.pdf (accessed: 26.06.2023). См. также: (Lee & Yu, 2022).

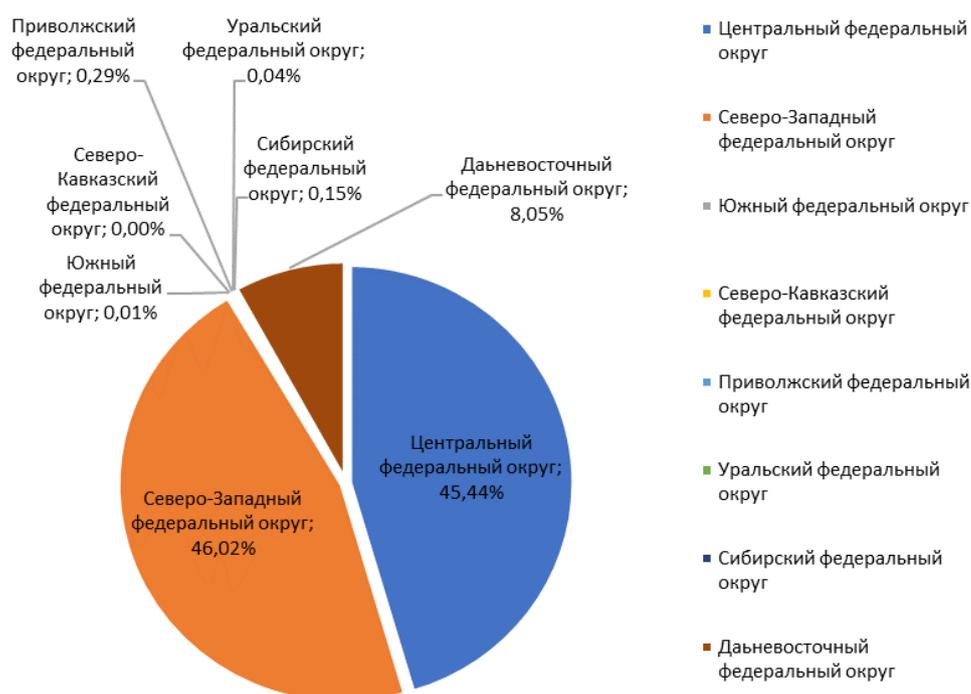
Доля ПИИ на Дальнем Востоке России (Дальневосточный федеральный округ) по странам-партнерам в 2015 и 2022 гг., %

Страна	01.01.2015	01.01.2022
Бермудские острова	34,76	63,06
Багамские острова	50,13	22,14
Кипр	5,11	3,17
Республика Корея	0,38	0,18
Нидерланды	0,00	1,31
Великобритания	0,67	0,00
Япония	0,12	0,22
Китай	0,17	0,86
Гонконг	0,05	0,11
Другие	0,82	0,20
Неопределенные	7,79	8,74

Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

Как видно из данных на рис. 2, по состоянию на начало 2022 г. наибольший объем южнокорейских ПИИ был накоплен в Приморском и Хабаровском краях, где существуют привлекательные условия регионального спроса по размеру рынка и численности населения относительно других субъектов федерации в ДФО. Сахалинская область менее значима для южнокорейских инвесторов. Исходя из этого, можно предположить, что в Дальневосточном федеральном округе южнокорейские ПИИ, ориентированные на рынок, превосходят таковые с ориентацией на природные ресурсы. Низкий уровень южнокорейских инвестиций в Сахалинскую область, несмотря на наличие грандиозных энергетических проектов, можно объяснить ограниченным количеством южнокорейских энергетических компаний мирового уровня, которые занимаются как добычей, так и переработкой выше и ниже по производственной цепочке. Так, в глобальные энергетические рейтинги *Standard & Poors* вошли всего пять южнокорейских компаний: *SK Innovation* (46-е место), *KEPCO* (124-е место), *GS Holdings* (127-е место), *KOGAS* (128-е место) и *S-Oil* (191-е место)⁴.

⁴ The Platts Top 250 Global Energy Company Rankings // S&P Global Platts. 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20210602150636/https://www.spglobal.com/platts/top250/rankings/2019> (accessed: 25.05.2023).

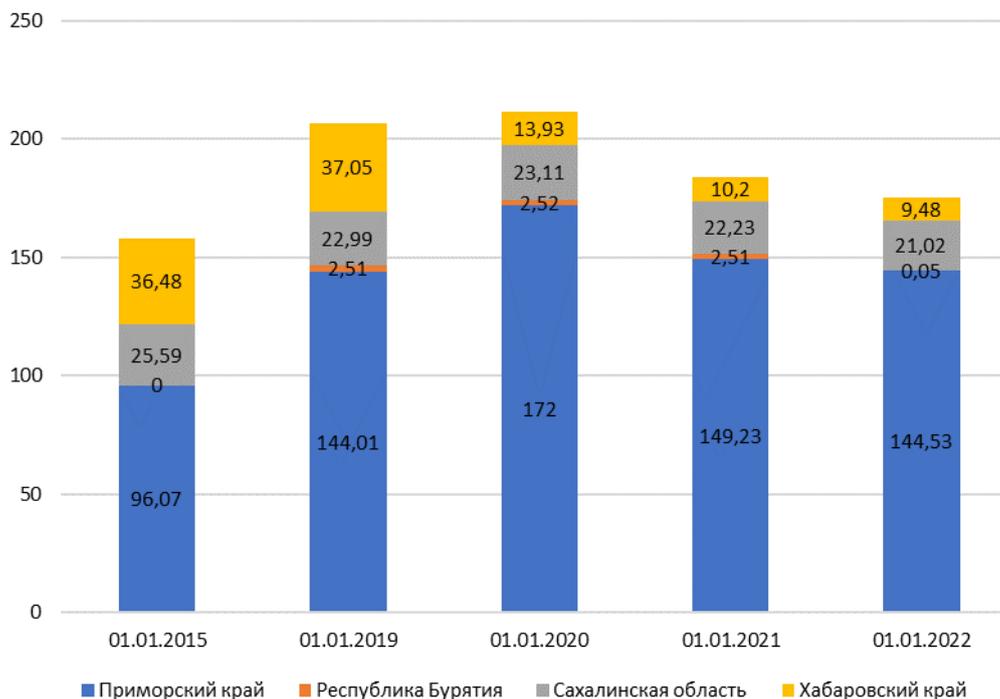
Рис. 1. Объем южнокорейских ПИИ в России по федеральным округам, по состоянию на 01.01.2022 г.
 Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

При этом здесь следует учитывать, что холдинговой компанией *S-Oil* является *Aramco* (Саудовская Аравия), а бизнес *GS Holding* ограничивается отраслью переработки и дальнейшего распределения энергоресурсов (*downstream*). Их разведка и добыча (*upstream*) же требует тщательного предварительного исследования (геологоразведочные работы), что, в свою очередь, связано с высокими финансовыми рисками. Однако, как мы видим, количество таких комплексных энергетических компаний, выполняющих работы, требующие высокого уровня технической экспертизы и значительного капитала, в Южной Корее ограничено.

В период пандемии COVID-19 южнокорейские ПИИ в четырех субъектах ДФО сохраняли стабильный уровень (см. рис. 2). Следует отметить, что перед началом пандемии COVID-19 объем южнокорейских ПИИ в Приморском крае увеличился со 144,01 млн долл. США (на 01.01.2019 г.) до 172 млн долл. США (на 01.01.2020 г.). По мере усиления пандемии вначале произошло снижение объема южнокорейских ПИИ со 172 млн

долл. США (на 01.01.2020 г.) до 149,23 млн долл. США (на 01.01.2021 г.) и 144,53 млн долл. США (на 01.01.2022 г.), но он не опустился ниже уровня 01.01.2019 г., так как ограничения по COVID-19 в России были сняты (в том числе и пограничные). Вместе с тем мы можем наблюдать тенденцию к снижению южнокорейских ПИИ в Хабаровском крае, которое при этом не связано с пандемией, поскольку оно уже имело место в предпандемический период: сокращение объема южнокорейских ПИИ в Хабаровском крае наблюдается в период с 01.01.2019 г. по 01.01.2020 г. Хотя спад продолжился и в период пандемии, объем снижения незначителен.

Кроме того, в долгосрочной перспективе ожидается увеличение южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России, учитывая растущее смещение их фокуса в Приморский край, основное направление ПИИ Республики Корея среди дальневосточных субъектов федерации в допандемический период и тенденцию деглобализации (усиления экономического сотрудничества между соседними экономиками) в постпандемический период.

Рис. 2. Объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России в 2015–2022 гг., млн долл. США

Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

Так, южнокорейские судостроительные компании активно сотрудничают с судостроительным заводом «Звезда» — *Hyundai Heavy Industries* в настоящее время строит семь танкеров, а *Samsung Heavy Industries* создала дочернюю компанию для реализации проекта строительства ледоколов. Кроме того, около 20 южнокорейских компаний преимущественно в сфере автозапчастей и пищевой промышленности собираются войти в создаваемый южнокорейский индустриальный комплекс в Приморском крае. Также ведутся активные переговоры о расширении партнерства в новых и перспективных инвестиционных областях (таких как «умные города», «умные фермы», возобновляемые источники энергии)⁵.

⁵ Исполняющий обязанности Генерального консула Ко Мун Хи дал специальное интервью ежемесячному журналу «Окно в АТР» (по случаю Восточного экономического форума) // Генеральное консульство Республики Корея в г. Владивостоке. 01.09.2021. URL: <https://overseas.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20210903042515123.pdf&rs=/viewer/result/202406> (дата обращения: 19.02.2022).

Хотя объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке довольно скромнен по сравнению с другими странами Восточной Азии, такими как Китай и Япония, Южная Корея потенциально может стать одной из наиболее важных и стабильных стран-инвесторов в данный регион России. Основные проблемы российского Дальнего Востока сводятся к асимметричному развитию отраслей и не всегда оптимальной для данного региона структуре промышленности. Структура же местных южнокорейских ПИИ в распределении по отраслям особенно наглядно демонстрирует, что Южная Корея является потенциальным партнером в плане диверсификации международных инвестиций для сбалансированного экономического развития различных территорий Дальнего Востока. Инвестиции в российский Дальний Восток принесут Южной Корее множество выгод, например расширение присутствия на внешних рынках, создание возможностей для производства и сбыта продукции для малых и средних предприятий (МСП), а также поиск

перспективных производств с использованием новых технологий. В частности, возможные инвестиции в энергетический и пищевой сектора на Дальнем Востоке обеспечат Южную Корею природными ресурсами и продовольствием. Следует отметить, что Южная Корея является вторым по величине торговым партнером российского Дальнего Востока, и основными товарами, импортируемыми Южной Кореей с Дальнего Востока, являются природные ресурсы (нефть, газ, уголь) и рыба⁶.

Экспорт и импорт на Дальнем Востоке России и место Южной Кореи как страны-партнера

В данном разделе анализируется экспортный потенциал промышленных товаров и услуг Дальнего Востока России (рис. 3). Для оценки экспортного потенциала используются два показателя: первый — отношение продукции к общему объему дальневосточного экспорта (А, %); второй — отношение продукции Дальнего Востока к продукции всего российского экспорта (В, %). После расчета каждого показателя для уточнения экспортного потенциала получают их среднее значение (С, %). Результаты представлены на рис. 3. Наибольшим экспортным потенциалом обладают топливно-энергетические товары (код 27) и минеральные продукты (коды 25–26): они получили 27,77 и 20,355 % от общего показателя экспортного потенциала соответственно. Кроме того, продовольственные товары и сырье (коды 01–24) также имеют потенциал для экспорта и получили 16,499 % от оценки экспортного потенциала.

Благодаря географической близости и развитой внутренней экономике три страны Восточной Азии (Республика Корея, Китай и Япония) являются основными торговыми партнерами российского Дальнего Востока

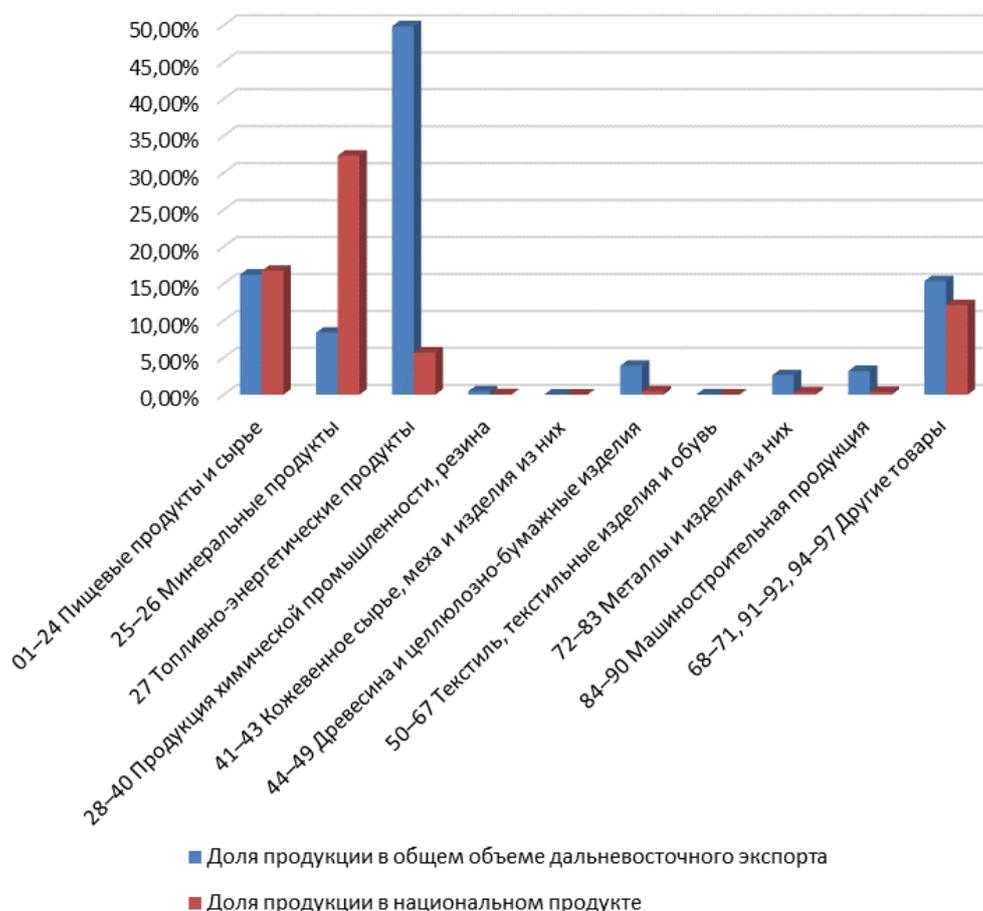
(табл. 3). Больше всего дальневосточные регионы экспортируют в Южную Корею (8,999 млрд долл. США в 2021 г.), за ней следуют Китай (8,738 млрд долл. США) и Япония (4,011 млрд долл. США). В случае с импортом первое место занимает Китай — 5,153 млрд долл. США, что составило 50,92 % от общего объема импорта в 2021 г.

Обзор литературы

Тема характера отношений (взаимодополняющие или замещающие) между ПИИ и международной торговлей обсуждается уже давно. В отличие от четкой замещающей связи других форм притока ПИИ (стратегический альянс, лицензирование и франчайзинг) в силу присущих им характеристик связь между ПИИ и экспортом довольно неопределенна, поскольку транснациональные предприятия могут использовать оба метода одновременно. Теоретические корни этого типа дебатов лежат в работах Р.А. Манделла (Mundell, 1957) и К. Кодзимы (Kojima, 1975).

Одним из первых исследований на эту тему стала работа Р.А. Манделла (Mundell, 1957). Международная торговля активизируется из-за различий в обеспеченности факторами производства между странами (предположения Хекшера — Олина — Самуэльсона). Поскольку ПИИ обеспечивают международное движение капитала, разница в обеспеченности факторами производства между странами сокращается. Таким образом, Р.А. Манделл показал, что инвестирование заменяет экспорт. В свою очередь, К. Кодзима (Kojima, 1975) опровергает теорию Р.А. Манделла и доказывает, что ПИИ способствуют росту экспорта. Международные компании инвестируют в отрасли, находящиеся в неблагоприятном положении, чтобы использовать факторы, которыми они плохо обеспечены в своей стране, и эти инвестиции приводят к повышению производственного потенциала принимающей страны ПИИ за счет эффекта перелива. Тем временем инвестирующие компании могут сосредоточиться на производстве товаров, в которых они уже имеют преимущества. Таким образом, ПИИ дополняют экспорт.

⁶ Исполняющий обязанности Генерального консула Ко Мун Хи дал специальное интервью ежемесячному журналу «Окно в АТР» (по случаю Восточного экономического форума) // Генеральное консульство Республики Корея в г. Владивостоке. 01.09.2021. URL: <https://overseas.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20210903042515123.pdf&rs=/viewer/result/202406> (дата обращения: 19.02.2022).

Код	01–24	25–26	27	28–40	41–43	44–49	50–69	72–83	84–90	68–71, 91–92, 94–97*
А	16,247	8,379	49,842	0,450	0,001	3,889	0,017	2,620	3,207	15,348
В	16,751	32,331	5,699	0,051	0,000	0,445	0,002	0,300	0,367	12,112
С	16,499	20,355	27,770	0,251	0,001	2,167	0,009	1,460	1,787	13,730

Рис. 3. Экспортный потенциал по видам товаров на Дальнем Востоке в 2021 г., %

Примечание. * — 68 — изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов; 69 — керамические изделия; 70 — стекло и изделия из него; 71 — жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них; ювелирные изделия; монеты; 91 — часы всех видов и их части; 92 — музыкальные инструменты, их части и принадлежности; 94 — мебель; постельные принадлежности, набивные принадлежности мебели; лампы и осветительное оборудование; сборные строительные конструкции; 95 — игрушки, игры и спортивное оборудование, их части и принадлежности; 96 — различные готовые изделия; 97 — произведения искусства, предметы коллекционирования и антиквариат.

Источник: Дальневосточное таможенное управление. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022); Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022).

Несмотря на множество проведенных эмпирических исследований, существуют эмпирические доказательства в пользу как замещающих (Blonigen, 2001; Bhasin & Paul, 2016), так и дополняющих (Pfaffermayr, 1996; Liu, Wang & Wei, 2001; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Poon, 2003; Limaye & Pednekar, 2019) отношений, поэтому дискуссии на эту тему продолжаются.

Интересно, что некоторые исследования демонстрируют существование обеих взаимосвязей в одном и том же случае. Лю Сямин и др. (Liu et al., 2016) показали, что ПИИ поразному влияют на экспорт в Китае и странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в зависимости от стадии зрелости этого экспорта.

Таблица 3

Топ-10 торговых партнеров Дальнего Востока в 2021 г.

№ п/п	Страна	Экспорт		Страна	Импорт	
		Млн долл. США	Доля, %		Млн долл. США	Доля, %
1	Республика Корея	8 999,45168	32,36	Китай	5 152,906314	50,92
2	Китай	8 738,00285	31,42	Южная Корея	1 325,733404	13,10
3	Япония	4 011,34728	14,43	Япония	1 258,745343	12,44
4	Бельгия	1 536,38767	5,53	Казахстан	378,619427	3,74
5	ОАЭ	1 069,5724	3,85	США	322,542448	3,19
6	Индия	923,50148	3,32	Германия	235,408211	2,33
7	Казахстан	735,463003	2,64	Гонконг	161,355598	1,59
8	Тайвань	600,571506	2,16	Турция	125,031579	1,24
9	Израиль	238,853749	0,86	Вьетнам	121,193776	1,20
10	Филиппины	206,361214	0,74	Тайвань	116,849243	1,15

Источник: Дальневосточное таможенное управление. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022).

Таблица 4

Обзор предыдущих эмпирических исследований, посвященных взаимосвязи между ПИИ и торговлей

Работа	Методология	Страна/год	Результаты
(Pfaffermayr, 1996)	Обобщенный метод моментов (ОММ)	Австрия (1981–1991 гг.)	Обоснована взаимодополняющая связь между ПИИ и экспортом в обрабатывающей промышленности Австрии
(Blonigen, 2001)	Несвязанная регрессия (SUR)	Япония — США (1978–1991 гг.)	На примере экспорта японских автомобильных запчастей на американский рынок выявлены как замещающие, так и дополняющие отношения, а на примере экспорта конечных потребительских товаров — замещающие отношения
(Liu, Wang & Wei, 2001)	Тесты причинности на основе векторной авторегрессии (VAR)	Китай (1984–1998 гг.)	Импорт вызывает приток ПИИ (положительная направленность) и, в свою очередь, рост экспорта из Китая
(Marchant, Cornell & Koo, 2002)	Двухэтапный наименьший квадрат	США — страны Восточной Азии (1989–1998 гг.)	Подтверждается взаимодополняющая связь между ПИИ и экспортом
(Pantulu & Poon, 2003)	Двухшаговый метод наименьших квадратов	Из Японии и США в 29 и 32 страны мира (1996–1999 гг.)	ПИИ создают торговлю (экспорт и импорт)
Fillat-Castejón, Francois & Wörz*	Анализ панельных данных (ценовые и кросс-ценовые эффекты)	Страны ОЭСР (1994–2004 гг.)	Взаимодополняющие отношения были выявлены для всей сферы услуг, но замещающие отношения были обнаружены исключительно в сфере транспортных и строительных услуг
(Oberhofer & Pfaffermayr, 2012)	Двумерная пробит-оценка, оценка предельного эффекта	Компании, расположенные в 10 европейских странах (база данных AMADEUS Top 250,000)	Более продуктивная компания инвестирует за рубежом, а менее продуктивная — экспортирует товары, но компании все равно могут использовать обе стратегии
(Bhasin & Paul, 2016)	VAR, коинтеграция и тесты причинности на основе VAR	10 стран Азии (1991–2012 гг.)	ПИИ и экспорт являются заменителями
(Liu et al., 2016)	Маятниковая гравитационная модель	Китай и страны ОЭСР (1992–2009 гг.)	Характер взаимосвязи между ПИИ и экспортом зависит от срока погашения иностранных инвестиций
(Limaye & Pednekar, 2019)	Тесты причинности на основе VAR	США — азиатские страны (1991–2017 гг.)	Выявлено положительное влияние американских ПИИ в Японии на экспорт США в Японию.

Примечание. * — Fillat-Castejón C., Francois J. F., Wörz J. Cross-Border Trade and FDI in Services // Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (wiiw) Working Paper. 2008. No. 50. February 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203915/1/wiiw-wp-050.pdf> (accessed: 03.11.2022).

Источник: составлено авторами.

На ранней стадии ПИИ дополняют экспорт, но по мере развития соотношение экспорта и ПИИ снижается, и ПИИ замещают экспорт. Х. Оберхофер и М. Пфаффермайр в своем исследовании, посвященном европейским компаниям, определили производительность как фактор, влияющий на принятие решений о дальнейших действиях, — более производительная компания инвестирует за рубеж, а менее производительная экспортирует товары (Oberhofer & Pfaffermayr, 2012). Этот вывод подтверждает заместительный характер связи между экспортом и ПИИ, однако компании все же могут использовать обе стратегии. Исследование показало, что взаимодополняющие отношения существуют в наиболее горизонтально интегрированных компаниях. К. Филлат-Кастехон, Дж.Ф. Франсуа и Ю. Вёрц в своей работе, посвященной сектору услуг, также продемонстрировали неоднозначные результаты⁷. Хотя взаимодополняющие отношения были выявлены для всех отраслей сферы услуг, замещающая взаимозависимость была обнаружена исключительно в сферах транспортных и строительных услуг.

Таким образом, следует отметить, что взаимосвязь между ПИИ и торговлей по-прежнему остается неопределенной. Краткое описание предыдущих эмпирических исследований представлено в табл. 4.

Описание данных и гипотеза исследования

Для математического анализа построены квартальные данные за период со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г. Спецификации модели следующие:

$$\begin{aligned} \ln(\text{export})_{ktq} = & \beta_0 + \beta_1 \text{Grw}_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (1)$$

⁷ Fillat-Castejon C., Francois J. F., Wörz J. Cross-Border Trade and FDI in Services // Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (wiiw) Working Paper. 2008. No. 50. February 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203915/1/wiiw-wp-050.pdf> (accessed: 03.11.2022).

$$\begin{aligned} \ln(\text{import})_{ktq} = & \\ = & \beta_0 + \beta_1 \text{Grw}_{FDI_{ktq}} + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (2)$$

$$\begin{aligned} \text{Grw}_{\text{export}_{ktq}} = & \beta_0 + \beta_1 \text{Grw}_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (3)$$

$$\begin{aligned} \text{Grw}_{\text{import}_{ktq}} = & \beta_0 + \beta_1 \text{Grw}_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (4)$$

где $\ln(\text{export})_{ktq}$ — натуральный логарифм экспорта (в млн долл. США, текущие цены) из Дальнего Востока в Южную Корею в году t и квартале q ;

$\ln(\text{import})_{ktq}$ — натуральный логарифм импорта (в млн долл. США, текущие цены) из Южной Кореи на Дальний Восток в году t и квартале q ;

$\text{Grw}_{\text{export}_{ktq}}$ — темп роста доли экспорта из Дальнего Востока в Южную Корею в году t и квартале q ;

$\text{Grw}_{\text{import}_{ktq}}$ — темп роста доли импорта из Южной Кореи на Дальний Восток в году t и квартале q ;

$\text{Grw}_{FDI_{ktq}}$ — темп роста объемов южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке в году t и квартале q .

Для расчета темпов роста запасы ПИИ в номинальных ценах трансформируются в реальные цены с применением квартального дефлятора ВВП (номинальный ВВП ÷ реальный ВВП × 100, базовый год = 2016). Формула для расчета реального объема ПИИ (на душу населения) выглядит следующим образом:

$$\text{Реальный ВВП} = \frac{\text{Номинальные ПИИ}}{\text{Дефлятор ВВП}} \times 100; \quad (5)$$

exrate_{tq} — в качестве контрольной переменной включен обменный курс рубля к доллару в году t и квартале q .

Стоимость валюты является важным фактором, влияющим на объемы торговли, так как она тесно связана с ценовой конкурентоспособностью экспортируемых и импортируемых товаров и услуг, ε_{it} — ошибка.

Ожидаемое значение $\text{Grw}_{FDI_{ktq}}$ в каждой модели показано в табл. 5.

Таблица 5

Ожидаемое значение Grw_FDI

Независимая переменная	
$Ln(export), Grw\_export$	$Ln(import), Grw\_import$
Положительный	Неопределенный

Источник: составлено авторами.

Многие южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке были направлены в отрасли, в которых Южная Корея испытывает нехватку природных ресурсов (например, зерно, лес и т. д.). Следовательно, высока вероятность того, что инвестиции ориентированы на экспортоориентированные отрасли. Таким образом, ожидаемый знак $Ln(export)$ и Grw_export — положительный.

Вместе с тем российское правительство активно стимулирует политику локализации промышленности, предоставляя иностранным компаниям различные стимулы для локализации производственного процесса в России. Однако неясно, активно ли южнокорейские компании участвуют в этом процессе, поскольку большинство их инвестиций направлены в основном на расширение рынка. Таким образом, ожидаемый знак $Ln(import)$ и Grw_import является неопределенным.

Описательные данные представлены в табл. 6. 18 наблюдений ранжированы по периоду со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., при этом данные по экспорту и импорту взяты с сайта Федеральной службы статистики РФ⁸, а данные по ПИИ и валютным курсам — с сайта Центрального банка РФ⁹.

Рис. 4 и 5 отражают динамику экспорта и ПИИ с Дальнего Востока в Южную Корею и импорта из Южной Кореи на Дальний Восток со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г. Экспорт достиг максимума во втором квартале 2019 г. (3,2 млрд долл. США), после чего имел тенденцию к снижению, но резко вырос во 2-м квартале 2021 г. Двусторонний импорт же значительно меньше экспорта. Импорт резко упал в 3-м квартале 2017 г. с 576 млн до

157,8 млн долл. США, после чего колебания были минимальными, но со 2-го квартала 2021 г. наметилась тенденция к росту. Доля южнокорейского экспорта и импорта на Дальнем Востоке России довольно сильно колеблется на протяжении всего периода (рис. 6 и 7). Объем ПИИ резко увеличился в 2018 г. в 1-м квартале и достиг максимума в 2019 г. в 3-м квартале. Однако в первом квартале 2020 г. он сильно сократился (рис. 8).

Тесты корреляции Пирсона и регрессионный анализ

На рис. 9–12 представлены диаграммы рассеяния и коэффициенты корреляции Пирсона с p -значением. Взаимосвязь между $Ln(export)$ и Grw_FDI слабая и отрицательная: коэффициент Пирсона (r) между $Ln(export)$ и Grw_FDI составляет $-0,361744$ без статистической значимости ($p = 0,1402$), между Grw_export и Grw_FDI — $-0,122955$ без статистической значимости ($p = 0,6269$). Это указывает на то, что они находятся в обратном движении, но их движение не является статистически значимым.

Между тем связь между $Ln(import)$ и Grw_FDI является сильной и положительной: коэффициент Пирсона (r) между $Ln(import)$ и Grw_FDI составляет $0,556301$ при 5-процентном уровне значимости. Коэффициент Пирсона между Grw_import и Grw_FDI составляет $0,785513$ при 1-процентном уровне значимости. Это означает, что они движутся в одном направлении и их движение статистически значимо.

Далее проводится регрессионный анализ с использованием МНК и робастных оценок. Результаты представлены в табл. 7. Grw_FDI отрицательно коррелирует с $Ln(export)$ и Grw_export . Однако эта корреляция не имеет статистической значимости. Это говорит о том, что южнокорейские ПИИ на Дальнем Востоке не имеют особой связи с их двусторонним экспортом (с Дальнего Востока в Южную Корею). В свою очередь Grw_FDI положительно коррелирует с $Ln(import)$ и Grw_import на 1-процентном уровне

⁸ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 22.09.2022).

значимости. Это указывает на то, что южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке способствуют развитию двустороннего импорта (из Южной Кореи на российский

Дальний Восток). Аналогичные результаты были получены и в моделях с робастными оценками.

Таблица 6

Описательные данные

Переменная	Средняя	Макс.	Мин.	Станд. откл.	Наблюдения
<i>Ln(export)</i>	7,569162	8,058848	6,688366	0,338956	18
<i>Ln(import)</i>	5,180382	6,356186	4,725394	0,426184	18
<i>Grw export</i>	3,261556	115,5980	-34,84800	32,42017	18
<i>Grw import</i>	17,02673	273,9836	-61,97716	72,15708	18
<i>Grw FDI</i>	8,551011	136,4557	-16,43050	35,40478	18
<i>exrate</i>	0,015204	0,017584	0,013122	0,001465	18

Источник: рассчитано авторами.

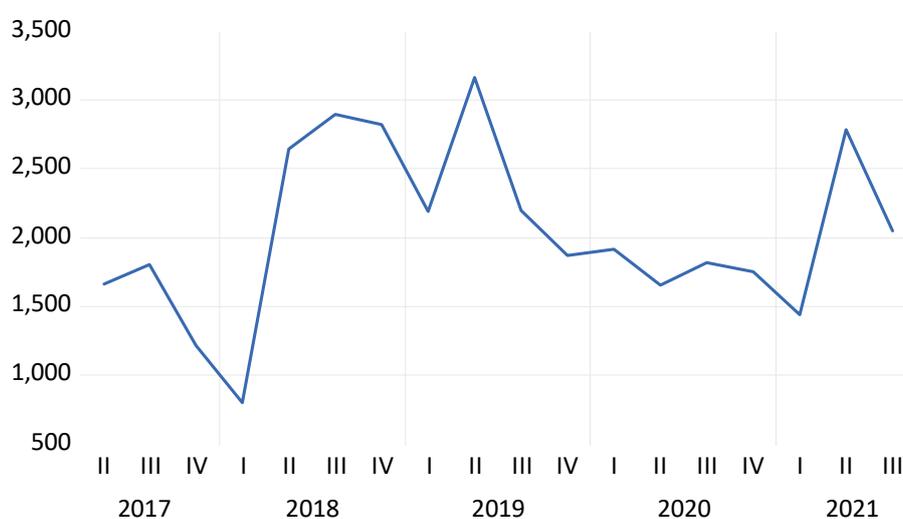

Рис. 4. Экспорт с Дальнего Востока России в Южную Корею со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

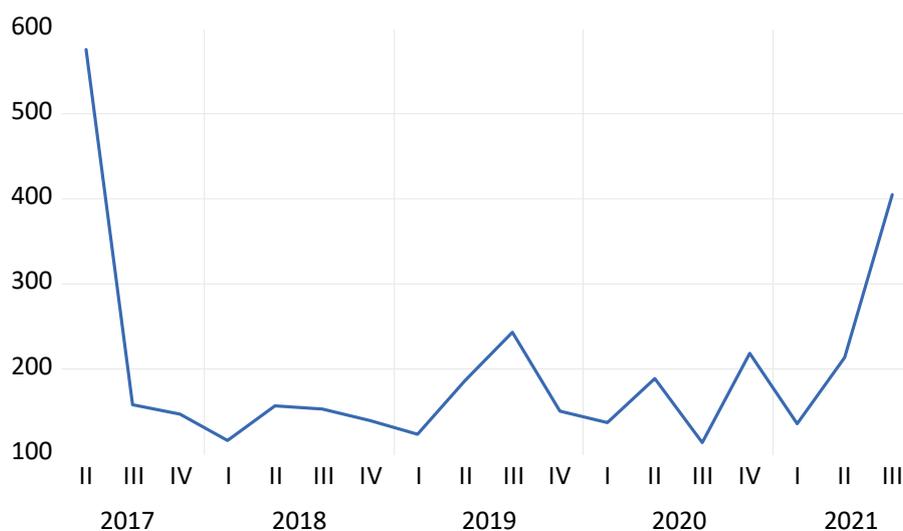
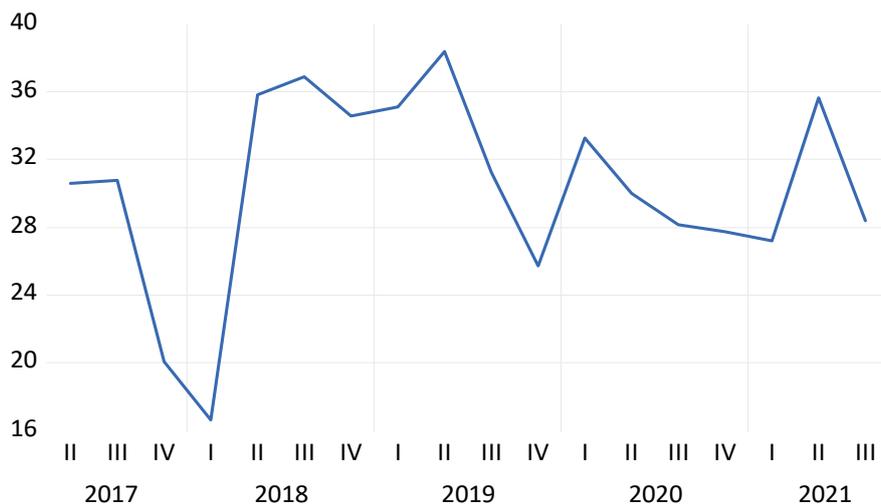
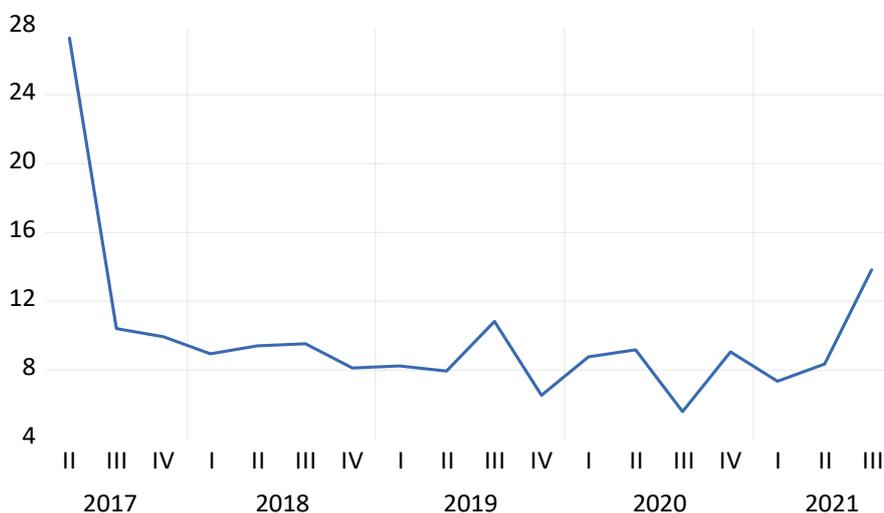

Рис. 5. Импорт из Южной Кореи на Дальний Восток со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США

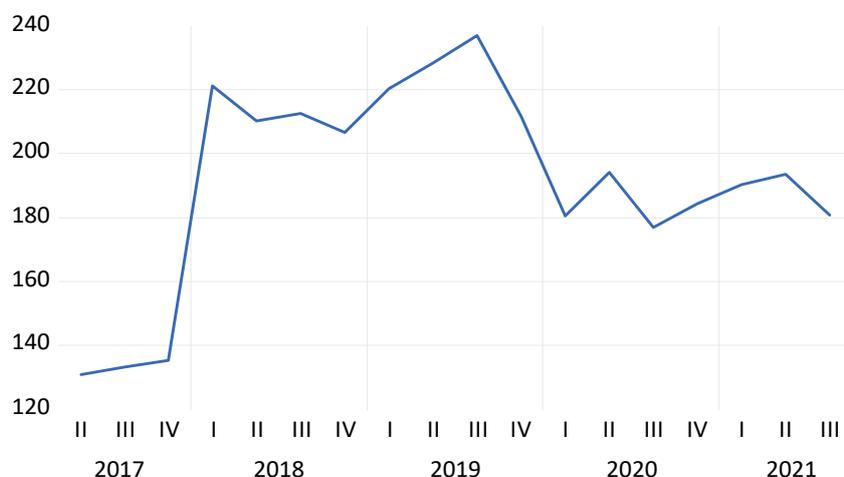
Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

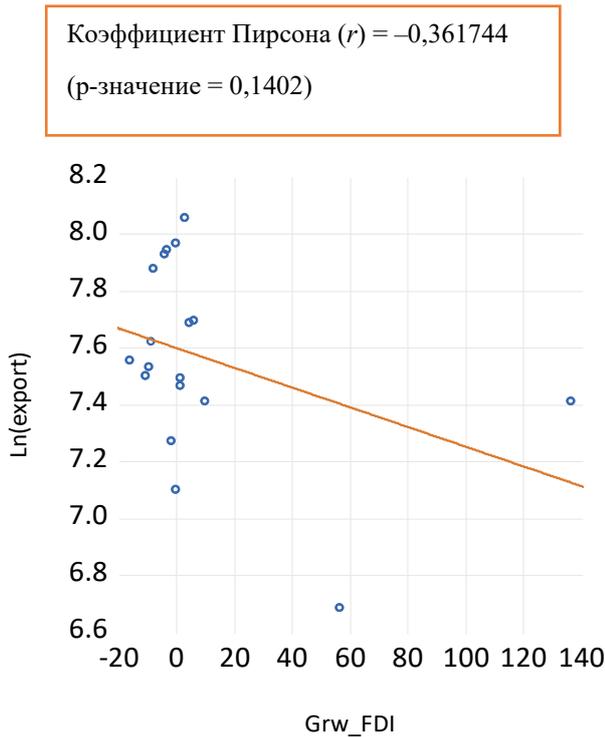
Рис. 6. Доля экспорта в Южную Корею на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., %
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

Рис. 7. Доля импорта из Южной Кореи на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., %
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

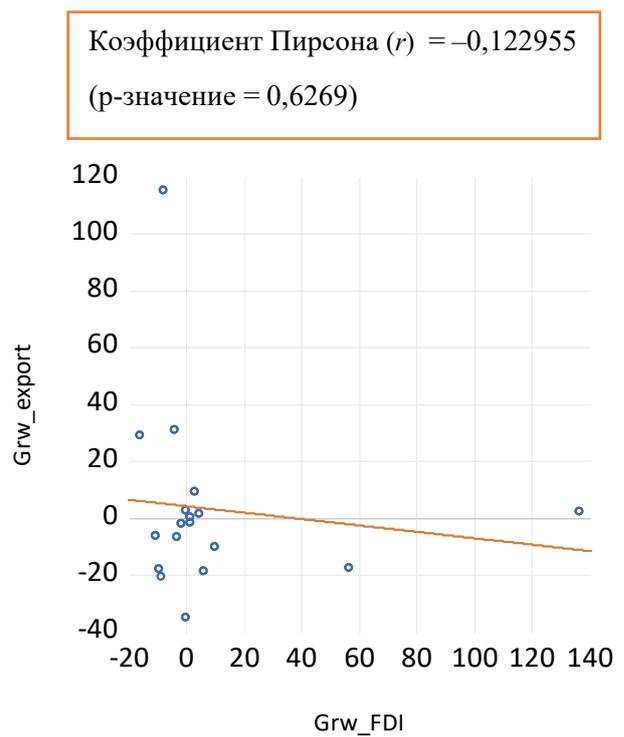

Рис. 8. Объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

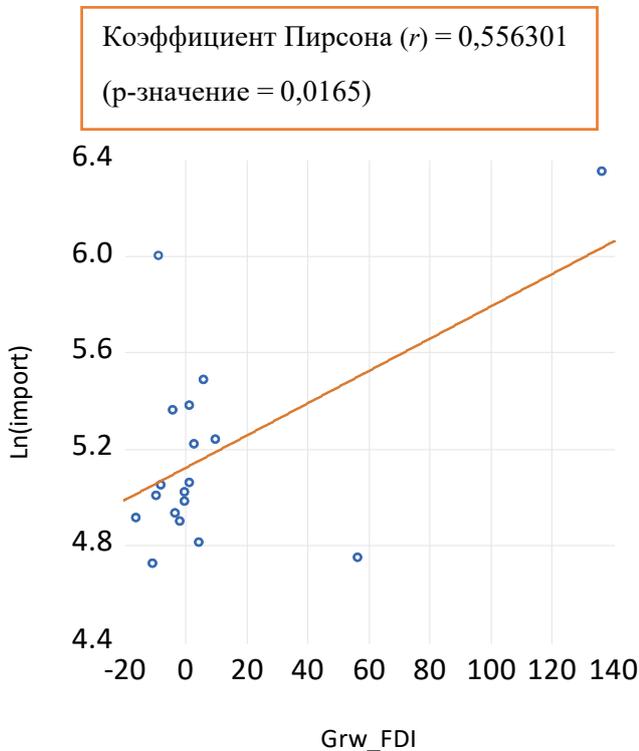
Рис. 9. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между Grw_FDI и $Ln(export)$

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

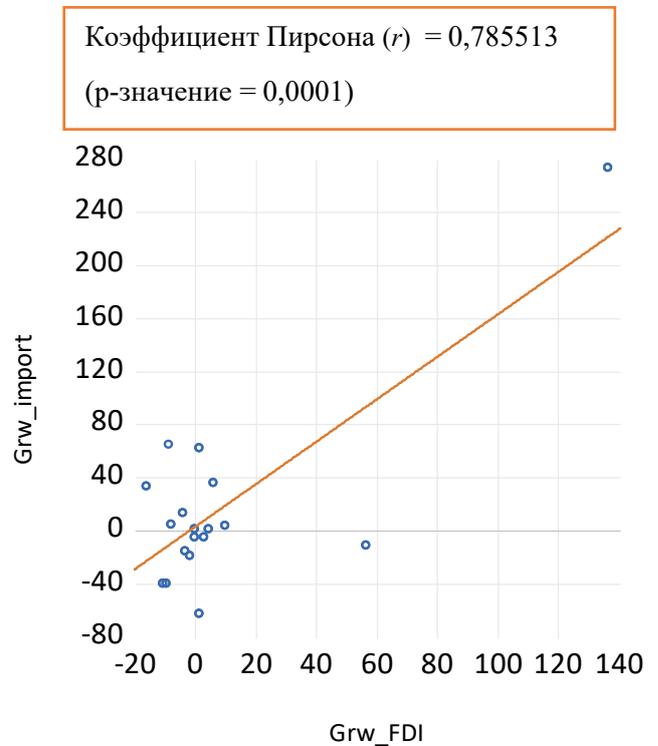
Рис. 10. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между Grw_FDI и Grw_export

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

Рис. 11. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между Grw_FDI и $Ln(import)$

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

Рис. 12. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между Grw_FDI и Grw_import

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

Таблица 7

Результаты регрессии

Переменная	Ln(export)		Grw export		Ln(import)		Grw import	
	(1) OLS	(2) Robust	(3) OLS	(4) Robust	(5) OLS	(6) Robust	(7) OLS	(8) Robust
Grw_FDI	-0,002551 (0,002680)	-0,002282 (0,002773)	-0,164288 (0,275472)	0,091695 (0,151035)	0,009181*** (0,002794)	0,009915*** (0,001884)	1,962799*** (0,340987)	1,997306*** (0,356948)
Exrate	-41,64623 (64,78539)	36,79936 (67,02981)	2359,420 (6658,676)	-3658,828 (3650,798)	-113,3733 (67,52842)	-28,03321 (45,54900)	-16515,61* (8242,289)	-15478,12* (8628,088)
Constant	8,224169*** (0,976201)	7,090831*** (1,010020)	-31,20655 (100,3344)	49,75412 (55,01103)	6,825622*** (1,017533)	5,513965*** (0,686342)	251,3484* (124,1966)	235,8146* (130,0099)
R ²	0,154161	0,045549	0,023293	0,042116	0,418704	0,177366	0,697896	0,278873
BPG test (p-value)	0,2272	–	0,3100	–	0,6766	–	0,4410	–
LM test (p-value)	0,3126	–	0,1726	–	0,6595	–	0,0803	–
Obs.	18	18	18	18	18	18	18	18

Примечание. Стандартные ошибки приведены в скобках, *** — p < 0,01, ** — p < 0,05, * — p < 0,1.

Источник: рассчитано авторами.

Выбор зависимых переменных не повлиял на результаты, и они совпали в модели по методу наименьших квадратов и робастной модели. Если рассматривать импорт из Южной Кореи на российский Дальний Восток, то южнокорейские ПИИ производят дополняющий эффект, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Kojima, 1975; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Roon, 2003; Limaye & Pednekar, 2019 и др.). Вместе с тем если интерпретировать результаты с точки зрения российского Дальнего Востока, то входящие ПИИ из Южной Кореи не способствуют увеличению экспорта из российских регионов в Южную Корею, что полностью противоречит выводам предыдущих исследований (Liu, Wang & Wei, 2001; Zhang & Song, 2001; Li et al., 2017). П. Саху и Р.К. Дэш показали, что для положительного влияния ПИИ на экспорт необходимо наличие других сопутствующих факторов, таких как инфраструктура, развитие финансового сектора, открытость торговли, человеческий капитал, институты и экзогенная стабильность сектора (Sahoo & Dash, 2022). Как и в нашей работе, З.А. Султан также не обнаружил значительного влияния ПИИ на экспорт (Sultan, 2013).

Эти результаты можно интерпретировать следующим образом. Южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке, скорее всего, являются рыночными инвестициями.

Вместо того чтобы экспортировать произведенные товары и услуги обратно в Южную Корею, они с большей вероятностью будут реализованы на собственно дальневосточных местных рынках. Кроме того, южнокорейские ПИИ, похоже, в значительной степени горизонтальные, а вертикальные ПИИ характеризуются слабой связью с локализацией производства. В связи с этим ПИИ приводят к росту импорта на российский дальневосточный рынок как готовой продукции, так и полуфабрикатов или комплектующих.

Выводы и рекомендации

В данном исследовании было рассмотрено влияние южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России на двусторонний экспорт и импорт между территориями. Коэффициенты корреляции Пирсона указывают на слабую отрицательную связь между объемом ПИИ и экспортом (из Дальнего Востока России в Южную Корею) и сильную положительную связь между объемом ПИИ и импортом (из Южной Кореи на Дальний Восток России). Были построены регрессионные модели с использованием МНК и робастной оценки, показавшие, что южнокорейские ПИИ на Дальнем Востоке скорее способствуют росту импорта Дальнего Востока из Южной Кореи, при этом статистической значимости между ПИИ и экспортом в Южную Корею не выявлено.

В настоящее время южнокорейские ПИИ могут быть полезны для Дальнего Востока тем, что регион привлекает иностранный капитал, который может использоваться в качестве стартового капитала для регионально-экономического роста. Также, как выяснилось, равномерное распределение южнокорейских ПИИ в различных отраслях Дальнего Востока может способствовать сбалансированному развитию региональной экономики.

Однако для усиления эффекта взаимного выигрыша от южнокорейских ПИИ необходимо, прежде всего, реформировать методы инвестирования на российском Дальнем Востоке таким образом, чтобы локализовать производственный процесс и создать побочный эффект для местных экономик. На российском Дальнем Востоке есть много природных ресурсов, которыми Южная Корея не располагает на своем внутреннем рынке, например газ, нефть, рыба, лес, зерно и т. д. Эти товары тесно связаны с национальной энергетической и продовольственной безопасностью, но южнокорейские ПИИ, по-

хоже, не используют свои инвестиции для экспорта таких важных товаров на родину. Кроме того, целевые секторы ПИИ Южной Кореи на Дальнем Востоке слабо соответствуют торговле: южнокорейские ПИИ были довольно слабы в энергетических секторах. В этом смысле для создания положительного экспортного эффекта от южнокорейских ПИИ на российском Дальнем Востоке, по-видимому, необходимо увеличить южнокорейские ПИИ в энергетику и другие сектора, которыми Южная Корея плохо обеспечена у себя на родине.

Вместе с тем из-за недостаточной доступности данных исследование было вынуждено ограничить число наблюдений до 18, что довольно мало для получения надежных статистических результатов, и использовать квартальный набор данных, что препятствует включению в модель нескольких контрольных переменных. В этом смысле, когда накопится достаточное количество временных рядов данных, следует провести повторное исследование.

Поступила в редакцию / Received: 14.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Bhasin N., Paul J.* Exports and Outward FDI: Are They Complements or Substitutes? Evidence from Asia // *Multinational Business Review*. 2016. Vol. 24, no. 1. P. 62–78. <https://doi.org/10.1108/MBR-05-2015-0016>
- Blonigen B. A.* In Search of Substitution Between Foreign Production and Exports // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 53, no. 1. P. 81–104. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00066-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00066-0)
- Kojima K.* International Trade and Foreign Investment: Substitutes or Complements // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1975. Vol. 16, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.15057/7991>
- Lee H.-S.* The Sub-National Distribution of South Korean Foreign Direct Investment in Russia: A Focus on the Russian Far East // *Tomsk State University Journal of Economics*. 2020. No. 52. P. 280–290. <https://doi.org/10.17223/19988648/52/17>; EDN: XAIZEP
- Lee H.-S., Yu Woosik.* The Effects of FDI and Exports on Economic Growth of Russia and Its Far Eastern District // *Eastern European Economics*. 2022. Vol. 60, no. 6. P. 479–497. <https://doi.org/10.1080/00128775.2022.2114914>
- Li Xin, Chang Hsu Ling, Su Chi Wei, Dai Yin.* Does Foreign Direct Investment Promote Exports in China? // *China Finance Review International*. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 185–202. <https://doi.org/10.1108/CFRI-04-2016-0026>
- Limaye K. C., Pednekar A. P.* Does FDI Substitute Exports of Home Country? A Case of US FDI in Select Asian Economies // *Theoretical and Applied Economics*. 2019. Vol. 26, no. 4. P. 219–240.
- Liu Xiaming, Wang Chengang, Wei Yingqi.* Causal Links Between Foreign Direct Investment and Trade in China // *China Economic Review*. 2001. Vol. 12, no. 2–3. P. 190–202. [https://doi.org/10.1016/S1043-951X\(01\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S1043-951X(01)00050-5)
- Liu Zhiyuan, Xu Yue, Wang Peijie, Akamavi R.* A Pendulum Gravity Model of Outward FDI and Export // *International Business Review*. 2016. Vol. 25, no. 6. P. 1356–1371. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.05.001>

- Marchant M. A., Cornell D. N., Koo Won.* International Trade and Foreign Direct Investment: Substitutes or Complements? // *Journal of Agricultural and Applied Economics*. 2002. Vol. 34, no. 2. P. 289–302. <https://doi.org/10.1017/S1074070800009044>
- Mundell R. A.* International Trade and Factor Mobility // *The American Economic Review*. 1957. Vol. 47, no. 3. P. 321–335.
- Oberhofer H., Pfaffermayr M.* FDI Versus Exports: Multiple Host Countries and Empirical Evidence // *The World Economy*. 2012. Vol. 35, no. 3. P. 316–330. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2011.01403.x>
- Pantulu J., Poon J. P. H.* Foreign Direct Investment and International Trade: Evidence from the US and Japan // *Journal of Economic Geography*. 2003. Vol. 3, no. 3. P. 241–259. <https://doi.org/10.1093/jeg/3.3.241>
- Pfaffermayr M.* Foreign Outward Direct Investment and Exports in Austrian Manufacturing: Substitutes or Complements? // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1996. Vol. 132, no. 3. P. 501–522. <https://doi.org/10.1007/BF02707510>
- Sahoo P., Dash R. K.* Does FDI Have Differential Impacts on Exports? Evidence from Developing Countries // *International Economics*. 2022. Vol. 172. P. 227–237. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2022.10.002>
- Sultan Z. A.* A Causal Relationship Between FDI Inflows and Export: The Case of India // *Journal of Economics and Sustainable Development*. 2013. Vol. 4, no. 2. P. 1–9. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/234645817.pdf> (accessed: 31.03.2024).
- Zhang Kevin Honglin, Song Shunfeng.* Promoting Exports: The Role of Inward FDI in China // *China Economic Review*. 2001. Vol. 11, no. 4. P. 385–396. [https://doi.org/10.1016/S1043-951X\(01\)00033-5](https://doi.org/10.1016/S1043-951X(01)00033-5)

Сведения об авторах:

Ли Хансол — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-7846-2374; e-mail: li-kh@rudn.ru

Дегтерева Екатерина Андреевна — доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; заместитель директора Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-Library SPIN-код: 8539-8849; ORCID: 0000-0002-8752-5840; e-mail: degtereve-ea@rudn.ru

Черников Сергей Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 6391-2343; ORCID: 0000-0001-7524-4438; e-mail: chernikov_syu@pfur.ru